

Наталья Анатольевна Гранцева родилась в Ленинграде, окончила Литературный институт им. Горького. Автор семи книг поэзии и исторической эссеистики. Живет в Санкт-Петербурге.

Шекспир и проблема бесплодных усилий

Как найти ключ к фолио?

Встречая 450-летие со дня рождения Уильяма Шекспира и отдавая должное совокупным усилиям мирового шекспироведения, сумевшего возвести на нескольких песчинках фактографии грандиозное здание непревзойденного величия Великого Барда, осмелимся высказать гипотезу, которая позволит непредвзятому читателю взглянуть свежим взглядом на тексты, созданные великим поэтом. Мы имеем в виду тексты, размещенные в посмертном издании полного собрания сочинений Шекспира — так называемом Первом (Великом) Фолио. Респектабельное шекспироведение рассматривает этот корпус текстов как осмысленно и последовательно разбитое по жанрам собрание пьес: комедии, хроники, трагедии. При этом сам принцип размещения пьес выглядит только на первый взгляд рациональным. По сути, он таковым не является.

Нельзя утверждать, что в разделе комедий размещены только комедии, нельзя утверждать, что в разделе трагедий опубликованы исключительно трагедии. Нельзя найти следов хронологического подхода к формированию шекспировского канона — первая пьеса не является самой ранней, а последняя — самой поздней. Нет никаких оснований думать, что составители действовали по принципу «от слабого к сильному», а также «от несамостоятельного — к полностью самостоятельному»... Филологическая мысль, когда-то столкнувшись с такой несообразной композицией Фолио, навсегда оставила эту сферу в зоне умолчания. Следует прямо взглянуть правде в глаза: все перечисленные выше особенности строения шекспировского канона свидетельствуют о том, что в нем заложен определенный принцип, до сих пор не открытый исследователями. Возможно ли такое? Вполне. Ведь традиционная шекспирология считает, например, что в корпусе сонетов существует в скрытом виде их истинный порядок, отличающийся от заданной нумерации. Почему такого порядка не может быть в Фолио? Если бы он был обнаружен, то, возможно, в гениальных пьесах поубавилось бы «темных мест», а их содержание стало бы более прозрачным?

Итак, мы предполагаем, что композиция Фолио несколько сложнее, чем предъявленное составителями и издателями трехчастное деление текстов по жанрам. Мы предполагаем также, что существует пока еще неизвестный нам истинный порядок пьес, который дает возможность восстановить подлинное содержание шекспировского канона. Для того чтобы этот порядок реконструировать, необходимо найти точку отсчета — конец ниточки, которая позволит размотать клубок...

Как же отыскать такое произведение, которое станет ключом ко всему наследию Великого Барда?

Планируя обнаружить этот волшебный ключ, мы сформулировали две группы условий, которым должно такое произведение удовлетворять. Первая — логические условия, вторая — данные, добытые шекспироведением.

Перечислим их по порядку.

Логические условия:

1. Эта пьеса-ключ не может быть первой и последней в Фолио (исключаем простейшие решения — прямое прочтение и зеркальное).
2. Эта пьеса не должна быть лучшей.
3. Название этой пьесы должно быть «странноватым» (парадоксальным).
4. В этой пьесе должны содержаться внятные отсылки к другим 35 пьесам Фолио.
5. В этой пьесе должны быть описаны (показаны) шекспировские технологии, использованные в других 35 пьесах.

Данные шекспироведения:

1. Эта пьеса должна быть признана одной из ранних.
2. Эта пьеса должна не бросаться в глаза, то есть быть малозаметной.
3. В этой пьесе должно находиться нечто странное, от объяснения которого шекспироведы уклоняются.
4. В этой пьесе должны находиться «отпечатки» драматического действия (пьесы) и «отпечатки» поэтического дебюта (сонеты).

Всем перечисленным выше условиям вполне удовлетворяет комедия «Бесплодные усилия любви». Рассмотрим ее более внимательно.

Это первое издание, на котором появилось имя Шекспира. С. Шенбаум пишет: «В 1598 г. были также опубликованы „Бесплодные усилия любви“ как сочинение „У. Шекспира“; это самое раннее из сохранившихся изданий пьесы, хотя на титульном листе указано, что оно является „заново исправленным и дополненным“¹.

Энтони Берджес тоже считает пьесу незначительной, а пересказ ее содержания умещает в десяток строк. «Еще одна комедия, и далеко не столь удачная, была, конечно, сочинена исключительно для воспитанной публики. Это была комедия „Бесплодные Усилия Любви“, которая, вероятно, датируется концом 1593 года. Шекспир взял на заметку одну из пьес Лили, написанных для труппы „детей Королевской капеллы и Святого Павла“ <...> Шекспир исследовал их и потом создал свою собственную прекрасную придворную комедию, полную язвительных каламбуров, большого количества разговоров и аллюзий иностранных путешествий. „Бесплодные Усилия Любви“ почти болезненно аристократична».

«Главные герои: король Наварры, Бирон, Лонгвиль и Дюмен — поклялись держаться подальше от женщин в течение трех лет и заняться каким-нибудь учением. Сами имена в таком контексте вызвали смех. О Генрихе Наваррском ходила слава как о мужчине, который не мог прожить без женщин и трех дней, не только что лет. Его приближенные, маршал Бирон и герцог де Лонгвиль, были также известными ловеласами. Что же касается Дюмена, или де Майена, он был главным врагом Генриха Наваррского в Католической лиге и так же хотел разделить наваррское заточение в монастырь на три года, как молиться святому Мартину Лютеру»².

Уже из приведенных цитат ясно: эта пьеса признана слабой.

Г. Брандес пишет: «Первой его комедией по многим причинам, частью метрическим — особенно частое употребление рифм, частью техническим — драматическая слабость пьесы, — должны быть признаны „Бесплодные усилия любви“. <...> Она трактует о двух вещах. Во-первых, конечно, о любви — о чем другом могла трактовать первая пьеса 25-летнего юноши? — но о любви, чуждой всякой страсти, больше того, почти лишенной всякого более или менее глубокого личного чувства, любви, наполовину деланной, любви, составляющей тему для игры словами. Но, кроме того, пьеса трактует о том, что по необходимости должно было быть центром во всех думах юного поэта, который под

перекрестным огнем новых столичных впечатлений чувствовал себя призванным создать себе свой язык и свой стиль, а именно о самом языке, самом поэтическом выражении.

Как только читатель раскроет первое произведение Шекспира, он сейчас же заметит, что здесь в различных ролях поэт потешается над смешными и неестественными сторонами современного ему способа выражения, что вообще действующие лица как в своем пафосе, так и в шутках и остроумии проявляют известную, полуюмористическую напыщенность. Сплошь и рядом получается такое впечатление, будто они говорят не для того, чтобы объяснить что-нибудь друг другу, или склонить к чему-нибудь, или убедить в чем-нибудь друг друга, а для того, чтобы дать простор своему воображению, чтобы играть словами, прицепляться к словам, расщеплять их и складывать, расставлять их по аллитерации, комбинировать их в почти однозвучные антитезы и так же беззаботно играть теми образами, в которые воплощаются слова, освещать их новыми, добытыми издалека сравнениями и т. д., так что разговор является не столько действием или введением к действию, сколько турниром вволю резвящихся слов, между тем как музыка стиха или прозы поочередно выражает задор, нежность, аффектацию, радость жизни, веселость или насмешку. Несмотря на некоторую поверхностность, мы видим здесь широкий поток всех жизненных соков, знаменующий собою эпоху Возрождения»³.

Более всего внимания Г. Брандес обращает на эвфуизм, понятие, «ведущее свое происхождение от изданного в 1578 году Джоном Лилли романа "Эвфуэс, или Анатомия остроумия". Лилли был, кроме того, автором десяти пьес, которые все написаны до 1589 годп, и нет сомнения, что он оказал весьма значительное влияние на драматический стиль Шекспира».

«Главные особенности эвфуизма заключались в параллельных, однозвучных антитезах, в длинных рядах сравнений с действительными или воображаемыми явлениями природы, по большей части заимствованными из естественной истории Плиния, в пристрастии к образам, взятым из истории или мифологии древнего мира, и к употреблению аллитерации».

Действительно, это все есть в комедии «Бесплодные усилия любви» в огромном количестве, но каким образом эта «техническая» сторона шекспировского высказывания может помочь нам понять сюжет произведения, его содержание?

«Нельзя сказать в самом строгом смысле, чтобы в „Бесплодных усилиях любви“ Шекспир юношески издевался собственно над эвфуизмом. Это различные, второстепенные виды неестественности в выражении и стиле; во-первых, напыщенность, представляемая смехотворным испанцем Армадо (очевидно с целью напомнить его именем о „Непобедимой Армаде“), затем педантство, выступающее в образе школьного учителя Олоферна, в котором Шекспир, как гласит старинное предание, хотел вывести преподавателя иностранных языков Флорио, переводчика Монтеня, предположение, имеющее, однако, за себя мало вероятия вследствие близких отношений между Флорио и покровителем Шекспира — Саутгемптоном.

Наконец, здесь перед нами свойственный тому веку преувеличенный и изысканный способ выражения, от которого в то время и сам Шекспир еще никак не мог освободиться; он поднимается над ним и громит его в конце пьесы».

Увы, из этого интереснейшего экскурса в историю стилистики эпохи позднего Возрождения мы ничего не узнали собственно о содержании пьесы. Неужели ее сюжет и ее герои столь невыразительны, что пригодны лишь для массовой атаки на адептов эвфуизма?

Обратимся еще к одному знатоку в области шекспировской поэзии.

Выдающийся англо-американский поэт У.-Х. Оден посвятил этому произведению одну из своих знаменитых шекспировских лекций, прочитанных перед студентами нью-йоркской Новой школы социальных наук в 1946–1947 годах. Лекция, посвященная «Бесплодным усилиям любви», прозвучала 30 октября 1946 года⁴.

Поэт сразу дает оценку произведению. «Пьесу „Бесплодные усилия любви” нельзя отнести к числу величайших произведений Шекспира, но с композиционной точки зрения это одна из самых совершенных его пьес».

Итак, отметим сразу же: пьеса аттестована как не самая значительная. Почему? — прямого ответа нет. Однако у нее есть несомненное достоинство — совершенное композиционное решение. Мало ли это или много? Здесь не обойтись без изложения сюжета. И У.-Х. Оден его излагает так:

«Пьеса начинается с замысла четырех молодых людей основать нечто вроде неоплатоновской академии. Эти юноши уже получили надлежащее воспитание и первые уроки хороших манер. Вообразите четырех молодых людей, беседующих в Гринвич-виллидж в 1946 году».

Поясним. Молодые люди беседуют в высшем учебном заведении (частный университет). То есть четверо героев — абитуриенты или студенты. Гринвич-виллидж имеет в своей структуре как заведения среднего уровня (бакалавриат), так и высшего (магистратура). Это — ныне. В шекспировское время обучение на первом составляло три года. Для получения степени магистра требовалось еще три года. Обучение начиналось в двенадцать-тринадцать лет. Следовательно, завершалось оно в пятнадцать или восемнадцать лет. Таким образом, возраст шекспировских героев в пьесе «Бесплодные усилия любви» может варьироваться от двенадцати до пятнадцати лет. Судя по поведению юношей, они лишь в начале обучения. Верховодит юными студиями подросток, которого окружающие величают Наваррским Королем.

Далее Оден продолжает: «Король разъясняет цели академии в первых строках пьесы.

Пусть слава. За которой все стремятся,
В надгробных надписях для нас живет,
Внося в нелепость смерти благолепье.
У Времени, у ворона-прожоры,
Усиьем жизни можем честь купить,
Что острие косы его притупит
И нам в наследство вечность передаст.
А потому, воители, — зову так
Я вас затем, что боретесь с страстями
И с целым полчищем мирских желаний, —
Указ последний да пребудет в силе:
Наварра делается чудом мира,
И малой Академией — наш двор
В живом и созерцательном покое.

(Акт I. Сцена I Пер. М. А. Кузмина)

Обратим внимание на концептуальную подмену, совершаемую в тексте лектора — хотя и здесь, и далее неоднократно говорится и показывается, что юные герои всего лишь высокородные школяры, мечтающие вследствие обретаемого образования прослыть когда-нибудь в будущем «малой Академией», Оден заявляет сразу, что четыре подростка и есть уже «малая Академия», а главный ее безусый академик излагает план работы ее членов. Соответственно, большую часть дальнейшего разговора о пьесе поэт посвящает рассуждениям о Платоновской академии, а также о философических штудиях неоплатоников применительно к разработанной ими классификации любовных проявлений. Сюжет надолго остается в стороне, и мы скудными порциями получаем информацию о том, что героев зовут Бирон, Лонгвиль и Дюмен, а имя Короля — Фердинанд. В колледже, где они собираются обогащаться знаниями, намерен три года учиться с ними еще один причудливый персонаж, любвеобильный краснойбай зрелого возраста — испанец дон Адриано де Армадо, которого сопровождает его паж-репетитор

Моль (Мотылек). Прислугой иноземных студентов является герой по имени Башка, которого нынешние издатели обозначают Шутом — хотя ничего шутовского в его поведении не просматривается. По ходу действия к этим героям подключаются другие члены педагогического коллектива: учитель грамматики Олоферн, завхоз-надзиратель Тупица и учитель Закона Божьего пастор Натаниэль. Другая группа действующих лиц — ученицы соседнего колледжа, то бишь женского общежития-монастыря капуцинок, вступающие в любовные игры с юношами: Розалина, Катарина, Мария и Французская принцесса без имени. Наставником их выступает названный вельможей Бойе.

«Четверо юношей в шекспировской пьесе пытаются сочетать серьезность с легкомыслием, и их разоблачают. Прибывают дамы, решимость благородных юношей испаряется, и начинается куртуазный роман, отчасти пародия на христианство, отчасти платоновский диалог... <...> Четверо мужчин в „Бесплодных усилиях любви” должны научиться любить людей, а не идею любви. В конце пьесы Дюмену и Лонгвилю нужно только возмужать и подождать год. Королю, высказавшему идею академии, предстоит стать истинным аскетом и прожить год в уединении. Принцесса велит ему уехать на двенадцать месяцев. „В какой-нибудь заброшенный приют/ от светского веселья удалившись”. Бирону же следует стать ближе к людям. Он обладает задатками вождя, но он неудовлетворен собой и слишком сосредоточен на самосовершенствовании. В его жизни недостает необходимости, а есть только возможность, и если он не откажется от самосозерцания, то станет похож на Гамлета. Розалина понимает, что Бирону требуется необходимость, нужда, исходящая от внешнего мира, а также знание страдания, без которого он не сможет постичь смысла любви. Розалина предписывает ему провести год:

В больнице меж страдальцами немymi,
Даря беседой лишь калек брюзгливых
И тратя остроумье лишь на то,
Чтобы больных заставить улыбнуться».

Сосредоточившись в своей лекции на проблемах восприятия и градации любовных переживаний в их теоретическом смысле, применительно к академическому формату изложения, У.-Х. Оден уклоняется от того, чтобы проанализировать собственно цепь событий, которые и составляют декларированное им «композиционное совершенство». Однако упрек поэту мы адресовать не можем: студенты, слушавшие его лекции и собравшие их записи в книгу, о которой мы говорим, вполне возможно, в силу своей цветущей юности только и расслышали разговор о любовных материях, а прочее пропустили мимо ушей...

В дополнение к изложенному У.-Х. Оден обратил внимание студентов на фигуру героя по имени дон Армадо: «Армадо — человек без предназначения; у него нет денег, зато немало честолюбия, которое, впрочем, ему не удастся развить. Он страдает глоссолалией. Болезнью, при которой люди говорят без умолку».

Замечание верное, хотя им вряд ли может исчерпываться значение этого персонажа. Лектор правильно фиксирует внимание слушателей на том, что ученик-переросток, желающий обогатиться знаниями, сначала должен выучить язык в объеме, превышающем бытовой уровень: «Язык должен идти впереди опыта ради приобретения знаний». Афоризм намекает на то, что дон Армадо демонстрирует джентльменский набор модных галантерейных ухваток, претендующих на великосветский лоск, однако стремление к вычурности и оригинальности делает его подлинным посмешищем в глазах тех, кто имеет представление о вкусе и изысканности, о снайперской точности слова и натуральном блеске остроумия...

Еще на одного маленького героя обращает внимание Оден: «Мотылек достигает объективности в возрасте двенадцати лет или около того — ему присущ пытливый ум и

чистые чувства. <...>. В двенадцать лет люди более общительны, чем в старшем возрасте, и они замечательные спутники. Изобразить этот возраст на сцене — удачная находка.

В переводе М. Кузмина остроумный мальчуган, приставленный прислуживать вельможному испанцу, назван Мотыльком, а в переводе П. Вейнберга мальчугана зовут Моль. Для русского читателя это, как говорится, две большие разницы. Но главное, что понял пронизательный поэт У.-Х. Оден, — это возраст героя. Ему одиннадцать-двенадцать лет. Он — тоже ученик, посещающий младший класс колледжа. Маленькому британцу еще не интересны вопросы взаимной любви и проблемы обольщения — его вовсе не тянет к старшим соученикам по колледжу, заезжим наваррцам.

Весьма лапидарно У.-Х. Оден характеризует и других героев. «Смирение представлено в пьесе образами Олоферна, Натаниэля и Башки. Олоферн, школьный учитель, — педант; это профессиональный недостаток, но, во всяком случае, не худший из пороков — педантизм в языке гораздо лучше, чем образовательные теории. Натаниэль очень кроткий: священникам и не следует быть напористыми. Башка стойк, он скупен. Все эти люди олицетворяют процессию девяти добродетелей».

Здесь речь идет о том, что наваррские гости, придя развлечь хорошеньких капуцинок, в которых поголовно влюбились, показывают интермедию «Девять героев», после чего и девушки-нимфетки обещают мальчикам через год ответить им взаимностью.

Трудно сказать, захотелось ли после знакомства с таким рассказом о «Бесплодных усилиях любви» студентам У.-Х. Одена прочитать пьесу и насладиться ее композиционным совершенством, о котором не было промолвлено ни словечка.

Другие исследователи, обращаясь к этой комедии, сообщают нам собственные любопытные наблюдения. Например, С. Шенбаум фиксирует наше внимание на том, что герой Мотылек (Моль) упоминает «роговую книгу». «"Monsieur из образованных?" — Армадо спрашивает у Олоферна, и Мотылек отвечает за этого педанта: «О да! Мальчишек учит он по книге роговой. Что будет, если „э“ и „б“ прочесть наоборот, приставив к ним рога?» Школярские шалости Мотылька дают Шенбауму возможность не только определить возраст мальчугана как ученика младших классов, но и подробно описать книги, бывшие в ходу у подготавлишек: «Роговая книга», «Азбука с катехизисом», «Букварь и катехизис». «Помимо чтения и письма, в некоторых подготовительных школах дети получали элементарные знания третьего „R“ [Шуточное выражение „три R“ — Reading, (W)riting и (A)rithmetic, то есть чтение, письмо и арифметика; второе слово по-английски произносится „райтинг“. — Прим. перев.], обучаясь счету и арифметике, а также, возможно, составлению счетов. В «Азбуке с катехизисом» приводились девять цифр „и сей кружочек (0), называемый нолем“. После двух лет ученики считались подготовленными к обучению в грамматической школе».

Российский исследователь И. Шайтанов считает, что прототипами, по крайней мере, двух персонажей являются известные шекспировские современники, поэты-остромыслы, получавшие образование с колледже Святого Иоанна в Кембридже — Томас Нэш и Роберт Грин.

«Нэш — самый младший среди „остромыслов“. В 1589 году — едва с университетской скамьи в колледже Святого Иоанна в Кембридже, том самом, которому принадлежал и Роберт Грин, взявший Нэша под свое покровительство.

Весьма правдоподобно, что в „Бесплодных Усилиях Любви“ у Шекспира Нэш фигурирует как паж Мотылек (о нем уже была речь). Его хозяин дон Адриано де Армадо, любитель ученых аллюзий и иностранных слов (он все-таки испанец), именует его Ювеналом (Juvenal). Под этим же именем его знают и „остромыслы“, в частности, Грин. Только, в отличие от Грина, имеющего в виду дар, наследуемый от великого римского сатирика, дон Армадо имеет в виду его юность (juvenilla). Само это понижение Нэша — из бичующего сатирика до „нежного юноши“ — те в зале, кто понимал, о чем и о ком идет речь, не могли не оценить как едкий контрвыпад.

Грина же вполне можно считать прототипом (впрочем, не единственным) для самого дона Адриано де Армадо, в чьем пышном имени явно различим и актуальный намек — на недавние события с испанской Армадой»⁵.

Эта гипотеза исходит не только из представления о молодом Шекспире как о скрытом пламенном публицисте-сатирике, издавшем насмехающуюся над Испанией и поражением ее флота в 1588 году, хотя ничего боевого, морского и испанского в пьесе нет — только имя испанца-флюгерка. Эта гипотеза исходит также из того, что Шекспир, как журналист-международник, издевался и над герцогом, и королем наваррским (1572), ставшим французским королем Генрихом IV в 1589 году (фактически — в 1594-м) — любвеобильный Бурбон, предавший свои гугенотские убеждения, прославился фразой «Париж стоит мессы». Таким образом получается, что пьеса «Бесплодные усилия любви» выполняла роль своеобразной политинформации: зрители лондонских театров имели возможность узнать о международной обстановке своего времени, порадоваться разгрому на море испанских католиков и победе на суше католиков французских... На первое вроде бы намекала фамилия героя Армадо, а на второе — имя глупого студентика колледжа — Фердинанд Наваррский... Следовательно, комедия «Бесплодные усилия любви», как международный политический памфлет, писалась по горячим следам событий? В 1589 году?

«С датой написания комедии — полная неопределенность», — пишет И. Шайтанов.

Ранний вариант, считает исследователь, — лето 1591-го — «визит королевы в Тичфилд».

«Начало 1590-х — путь герцога Наваррского к французскому престолу».

Значит ли это, что политический темперамент и накал религиозной страсти в душе лондонского зрителя был столь могуч, что и спустя два-три года после событий всем хотелось смеяться над «осетриной второй свежести»? Нельзя назвать изысканным и непревзойденным и такой сатирический прием, как инфантилизация героев... Визит королевы в Тичфилд превращается в едкие шуточки Принцессы-нимфетки, а герцог Лонгвиль, Король и его маршалы Бирон и Дюмен — в школяров-подростков...

Безусловно, при таком прочтении комедии «Бесплодные усилия любви», утвердившемся в шекспироведении, невинные любовные интрижки школяров придают пьесе «карикатурную шаржированность»... Право слово, подобные ранние образцы политической сатиры шекспировской выделки, напоминающие примитивные шарады, вряд ли могли рассмешить театрального обывателя, каковым в своем большинстве и являлись лондонцы. Способны ли были эти театралы распознать в малом — большое, в незрелом — цветущее? Как говорил известный французский философ Р. Генон: «Высшее может символизировать низшее, но обратное невозможно».

В самом деле, пусть современный искушенный читатель разгадает содержание пьесы, главными героями которой являются нынешние пятиклассники: Первый — толстяк в кавалерийской бурке, Второй — черноглазый очкарик, мечтающий пострелять из пушки, Третий — приземистый босяк, увлеченный астрономией... Кто из исторических персонажей запечатлен в этих образах? В лучшем случае один из сотни произвольно выбранных театралов распознает в образах этих подростков истинных героев истории... А ведь в шекспировское время уровень образованности зрителей был гораздо скромнее, чем ныне.

Итак, дата создания комедии «Бесплодные усилия любви» не известна. Мы опираемся на свидетельство остроумца Мереза, издавшего в 1598 книгу, где эта комедия упоминалась в числе уже существующих. Комедия могла быть создана и в 1597-м, и в 1596-м, но тогда придется думать, что Шекспир решил посмеяться над чем-то другим, неизвестным. А поскольку шекспироведческое сообщество согласилось считать главными объектами осмеяния «Непобедимую Армаду» короля Филиппа II и путь к французскому трону Генриха IV Бурбона, антропоморфными символами которых являются якобы дон

Армадо и король наваррский Фердинанд, то приходится максимально близко к морской битве и обретению короны сдвигать датировку пьесы. Так и выходит 1590–1591 год. Правда, и в этом случае каждый мыслящий исследователь ощущает зыбкую почву, колеблющуюся под этим хронологическим утверждением: король Генрих IV коронован-то был лишь в 1594 году! Так что визит и королевы в Тичфилд грозит вот-вот улечь из-под ног...

Политическая сатира, изображающая властителей в образах недорослей, все-таки могла как-то уязвить их как безбожников или религиозных отщепенцев с точки зрения англиканской церкви или как неудачливых любовников... Но в тексте пьесы никакой подобной проблематики не обнаруживается, второстепенный действующий герой-священник никого не обличает и не перевербовывает в антикатолические ряды — он очень любезен с наваррскими юношами. Остроумные словесные пикировки девушек-капуцинок с восторженными поклонниками завершаются, по сути, вовсе не бесплодно: красавицы обещают школярам через год сказать «да» — если ветреные виршеплеты их не забудут.

Да и дон Армадо, обрюхативший поселянку Жакнету, готов вступить в законный брак. Где здесь тщетные или «бесплодные усилия»? Где здесь сатира? Сплошной хеппи-энд. Так, может быть, Шекспир предлагает нам сатиру не на конкретных людей, а на что-то другое? Подобные сомнения возникают не только у нас.

Ознакомимся с изложением сюжета комедии, предложенным И. Шайтановым. Мы приведем несколько формулировок.

«В завязке сюжета — отречение наваррского короля и трех его придворных от радостей жизни ради овладения наукой».

«От Шекспира не требовалось прочно привязать портрет того или иного персонажа к тому или иному прототипу. Они могли соединяться. Накладываться друг на друга. Намеки рассыпались свободно, узнаваемость добавляла комического эффекта, но Шекспир пародирует не столько личности, сколько ложные претензии — на ученость, остроумие, любовь и поэзию».

«Эта комедия инсценирует лирический сюжет будущего (и уже создаваемого) сонетного цикла, где сторонами любовного треугольника как раз и выступают Любовь, Дружба и Поэзия».

«Играющая узнаваемыми намеками и набросками портретов реальных лиц, эта комедия восстанавливает ход светского разговора о поэзии и театре. О педантичной учености и высокопарной глупости. Ее четвертый и пятый акты посвящены преимущественно этим темам и отданы на их обсуждение. Сначала любовное послание дон Армадо попадает в руки французской принцессе и, прочитанное вслух, задает тон уже непрекращающемуся симпозиуму о поэзии. Затем учитель Олоферн предлагает свой экспромт про раненого оленя, и мы становимся свидетелями целого потока куртуазных признаний, нередко облеченных в форму сонета. Один за другим в лесу появляются наваррский король и три его соратника по академии. Все они, оказывается, нарушили клятву не вступать в отношения с женщинами и, хуже того — влюбились. Каждый из них выходит со стихами, читает их и прячется при появлении следующего стихотворца. Бирон по праву первого и самого остроумного, сидя на дереве, выступает главным комментатором. В последний момент и его выводят на чистую воду, когда возвращается его послание черноглазой Розалинде и попадает в руки короля».

«Тут откликается король, напоминая Бирону, что его-то Розалинда „черна, как эбеновое дерево”, то есть хвалы красоте на нее не распространяются. В ответ Бирон раздражается парадоксами: „Красоте недостает красоты, если она не научилась

смотреть ее глазами: ни одно лицо не может быть прекрасным, если оно не вполне черно»».

«Бирону Шекспир доверяет построить парадоксальную защиту красоты, не совпадающую с петраркистским идеалом белизны кожи, голубых глаз, белокурых волос...»

«Совсем как в случае со Смуглой леди шекспировских сонетов!»

«Следует ли за сонетными перипетиями видеть жизненные коллизии и биографические обстоятельства?»

«Комедия, в которой этот сюжет выбран в качестве названия, не может прийти к завершению. Ее финал остается открытым, поскольку бесплодность любовных усилий противоречит жанру комедии (не овладели искусством любви)».

«Концы сюжета так и не были сведены — возможность свадеб отложена, по крайней мере, на год, и состоятся ли они вообще?»

Из этого изложения читатель может извлечь гораздо больше информации о содержании комедии, чем из лекции У.-Х. Одена. Думаем, что читатель заметит также, что, подобно У.-Х. Одену, автор все-таки величает британский колледж академией — вопреки наличию ясно показанных подростков-школяров. Хороши академики, строчащие бездарные стихи и прячущиеся (на деревьях). Не слишком убедительны параллели между ученическими виршами, лишь по названию, а не по форме являющимися сонетами, и будущими блестящими и непревзойденными по мастерству стихами Шекспира, адресованными Смуглой леди... Также приводит к разочарованию заявление о том, что сюжет комедии выбран в качестве названия, то есть сюжет связан с антикомедийной любовной бесплодностью... Как же так? Ведь изначально нас убеждали, что в основе этой сатиры политико-религиозные аллюзии, запечатленные в именах испанца и малолетнего короля... А тут оказывается, что ни испанская армада, ни бурбонский трон ни при чем... Что сюжет — стопроцентно любовный?

Где же, как уверял нас прекрасный поэт У.-Х. Оден, композиционное совершенство? Мы видим, что современный российский исследователь фиксирует, что «концы сюжета так и не были сведены».

Хуже того, о каком совершенстве можно думать, если сама комедия в ее кульминации, в финале, «противоречит жанру комедии»?

Отвлечемся от мысли о композиционном совершенстве.

Взглянем с другой стороны. Если финал пьесы противоречит жанру комедии, то, может быть, перед нами вовсе не комедия?

Что же это может быть? Поскольку в пьесе не обнаруживается ни одного погибшего или убитого героя или героини, то ясно: «Бесплодные усилия любви» к трагедиям отнести нельзя.

Остается один-единственный вывод: перед нами хроника. Хроника под маской комедии?

Размышляя над возможностью такого изощренного композиционного решения, мы тоже радуемся недолго: из всего прежде сказанного авторитетными исследователями мы не можем извлечь никакой полезной информации, чтобы определить конкретный хронологический промежуток, историю которого Шекспир мог запечатлеть в пьесе. Никак не может нам в этом помочь и предполагаемая исследователями неопределенная дата создания произведения — до 1598 года. Тем более что источник этой даты — книга юмориста Мереза — тоже далек от хроникальности. Его «Кладезь ума» («Сокровищница ума») несет на себе следы интеллектуального зубоскальства: она насыщена пошловатыми аналогиями, сомнительными панегириками, а неумеренно восхваляемый на ее страницах Шекспир оказывается в когорте едва ли не явных посредственностей... Добавим к этому

отсутствие уверенности в том, что книга Мереза издана с датировкой, соответствующей действительности...

Таким образом мы вновь оказываемся в тупике: ни одного конкретного эпизода истории Британии, Испании или Франции (Наварры) в фундаменте пьесы мы не можем обнаружить — без такой определенности мы не имеем права говорить о «Бесплодных усилиях любви» как об исторической хронике, притворяющейся комедией. Хотя в самом тексте пьесы содержится конкретный пример, позволяющий рассматривать ее именно в этом ракурсе.

Мы имеем в виду то, что можно назвать пьесой в пьесе: юные герои в комедийном ключе играют спектакль «Девять героев». Именно в нем персонажи изображают героев истории: Гектора, Александра Македонского, Помпея, Иуду Маккавейского и прочих... Однако исследователи обычно не слишком много внимания уделяют анализу этого фрагмента. Удивительно, но и другие рецензии хроникальной составляющей, находящиеся в пьесе, исследователями даже не рассматриваются!

Проведем эксперимент. Изложим самостоятельно содержание «Бесплодных усилий любви», опираясь только на конкретные данные, содержащиеся в пьесе.

Четверо юношей-иноземцев двенадцати-тринадцати лет и сопровождающие их взрослые люди (вельможа Адриано де Армадо, слуга Антон Тупица и слуга Башка) приехали два-три месяца назад для учебы в некий британский колледж. Почему мы думаем, что приехали они два-три месяца назад? Потому что таков срок беременности соблазненной вельможей поселянки, названный в пьесе.

Юноши намерены три года посвятить исключительно учебе. Об этом на первых же страницах и заявляет юный король Фердинанд — неформальный лидер группы. Читателю сообщается, что юноши изначально настроены были на максимально интенсивное обогащение знаниями и даже составили перечень ограничений, которые добровольно возложили на себя и закрепили договором (эдиктом). Но теперь возникла необходимость пополнить договор еще одним пунктом: не общаться с женским полом, этого и требует от каждого король Фердинанд. Дольше всех сопротивляется этому запрету Бирон и даже подробно излагает аргументы, делающие этот запрет бессмысленным. Однако и ему приходится договор подписать.

Возникает вопрос: почему не раньше, в момент приезда, а именно сейчас вдруг понадобилось отказываться от общения с дамами? Оказывается, это дополнительное условие связано с тем, что король Фердинанд ждет приезда Принцессы французской.

Бирон:

Пункт этот, государь, нарушите вы сами:

Вы знаете, на днях приехать к нам должна

Принцесса Франции для разговора с вами...

Итак, и Фердинанд, и Бирон (а вероятно, и Лонгвиль с Дюменом) ждут визита Принцессы. Откуда они об этом знают? Несомненно, они не состояли в тайной переписке, а о предстоящей встрече юношам сообщил их старший товарищ и наставник дон Армадо. Этот причудливый испанец в свою очередь мог узнать об этом только от наставника девушек-капуцинок Бойе.

Почему ж Фердинанд требует от товарищей того, что сам не собирается исполнять? Недовольным такой дискриминацией соученикам он сообщает:

Король:

Нарушить этот пункт невольно должен я:

Ведь обусловлено прибытие ея

Необходимостью.

Итак, из этого следует, что Фердинанд обязан встретиться с Принцессой, у других подростков такой необходимости нет. Они прямо заявляют, что эта необходимость связана с сердечными делами. Бирон утверждает, что такую необходимость он может себе устроить за три года три тысячи раз. Значит ли это, что речь идет о возможной личной встрече будущих супругов? Пока оставим этот вопрос без ответа.

Тут же, в первой сцене первого акта, выясняется, что дон Армадо собирается наказать слугу Башку, поскольку тот соблазнял поселянку Жакнету. Вынести приговор за это прегрешение дон Армадо предлагает Фердинанду — на основании чего? На основании, так сказать, только что подписанного всеми «эдикта о воздержании». Значит, этот закон для юношей был предложен доном Армадо, а слуга Башка ничего о нем не знает. Теперь и ему предписывается поститься неделю — таково наказание, видимо, связанное с длительностью предстоящего визита Принцессы и ее спутниц. Вполне ясно нам показывается охранительная функция Армадо и Тупицы — не дай бог, изворотливые слуги начнут приставать к несовершеннолетним гостям! Может возникнуть международный скандал. Впрочем, на самого дон Армадо этот «антиэротический эдикт» не распространяется: вельможа оставляет поселянку у себя, признавшись ей в любви высокопарным слогом.

Армадо:
Я посещу тебя в твоём сарае.

Во втором акте наставник девушек Бойе вразумляет Принцессу:

Бойе:
Подумайте, кого сюда прислал
Родитель ваш, к кому прислал и также
Зачем прислал. Вы, чтимая везде
Так высоко, пришли на совещанье
С единственным наследником всего
Прекрасного, что только может смертный
В себя вместить — с великим королем
Наваррских стран. — И цель переговоров —
Важнейшая: об Аквитанье речь
У вас идет — и о стране, что королева
Могла бы взять в приданое. Итак,
Рассыпьте здесь, Принцесса, ваши чары.

Без всякого затемнения вельможа Бойе, сопровождающий Принцессу и ее фрейлин, ставит задачу перед подопечной: обольстить, очаровать богатого наследника. Король Фердинанд и сопровождающие его лица прибыли в колледж, как следует из текста, по рекомендации отца Принцессы — короля Франции. Под предлогом повышения образовательного уровня мальчиков он устроил их в заведение, находящееся неподалеку от монастыря, в котором училась его дочь. Это знал Бойе, как и то, что Принцесса сама должна явиться к Фердинанду якобы по поручению отца, стремящегося решить некую юридическую проблему, связанную с владениями в Аквитании, то есть частью французских территорий. Понятливая Принцесса отправляет Бойе к Фердинанду якобы для проведения деловой встречи. Ее спутницы, оказывается, видели ранее друзей Фердинанда на светских мероприятиях и свадебных церемониях.

Безусый король-псевдоакадемик Фердинанд и его товарищи являются на встречу. Тут король и излагает существо сделки, которую предложил ему отец Принцессы.

Оказывается, отец Принцессы, король Франции, взял в долг у отца короля наваррского 200 тысяч крон. Теперь должник заявляет, что вернул 100 тысяч. А в залог оставшихся

100 тысяч предлагает Аквитанию. Юный король Фердинанд, еще не видевший возвращенной первую половину долга, считает, что цена Аквитании много ниже 100 тысяч. Если хотя бы половину этой суммы отец Принцессы вернет, говорит король-студент, Аквитания останется владением Франции. Таково желание Фердинанда и его венценосного отца. Однако отец Принцессы предлагает другое решение: он согласен расстаться с Аквитанией, если Фердинанд заплатит за нее 100 тысяч.

Таким образом перед читателем вырастает некая правовая проблема, связанная с долговыми обязательствами двух стран. Отец Принцессы считает, что половину долга вернул, а отец короля так не считает. То есть, видимо, какую-то свою услугу отец Принцессы оценил в 100 тысяч крон, забыв об этом сообщить работодателю. Впрочем, король Фердинанд почему-то эту тему не развивает: может быть, сообразил, что в такую сумму оценено трехлетнее обучение их группы?

Речь идет о второй половине долга. Ее отец Принцессы собирается вернуть «бартером» — землями. Он оценивает их в 100 тысяч. Цена завышена, Аквитания совсем пришла в расстройство — об этом и заявляет прямо Фердинанд. То есть невыгодное предложение отца Принцессы он отклоняет.

Принцесса возмущена, что Фердинанд не верит в то, что первая часть долга возвращена.

Король клянется, что никогда об этом не слышал и не видел доказательств. Если таковые есть, он сам вернет деньги Принцессе и не будет требовать второй половины (Аквитании).

Принцесса велит Бойе, чтобы он предъявил квитанции, выданные казначейми отца Фердинанда. Смущенный Бойе докладывает, что квитанции и другие документы еще не прибыли, а будут доставлены только завтра.

То есть документов о возвращении долга нет.

Великодушный Фердинанд соглашается подождать их прибытия, а гостям разрешает разместиться в его королевском парке. На этом randevу двух подростков завершается, Король уходит, а его спутники начинают активно флиртовать с гостями. Лукавый наставник Бойе убеждает Принцессу, что король в нее влюбился. Он также подсказывает девушке возможность решить возникшую финансовую проблему, если сильнее разжечь в юноше любовный жар.

Бойе:

За поцелуй любви он даст вам, без сомненья,

И Аквитанию, и все свои владенья.

То есть Бойе намекает подопечной, что она может стать при удачной охоте на жениха королевой. Видимо, такова конечная цель всех этих манипуляций, совершавшихся отцом Принцессы и его подчиненными.

В четвертом акте Принцесса объявляет охоту на короля. Действие происходит в пятницу, ибо девушка заявляет, что завтра, в субботу, они поедут во Францию. Видимо, эта же информация доводится до сведения юных студентов, очарованных красотой юных капуцинок. Сознывая, что ближайшие три года им предстоит прожить без любовных приключений, мальчики пытаются использовать время максимально плодотворно. Во-первых, они отсылают девушкам подарки: алмазы, бриллианты, жемчуга, перчатки... Во-вторых, они срочно слагают любовные вирши и отправляют их с нарочным — Башкой. Затем планируют явиться в гости к французенкам — шпионящий за мальчиками Бойе предупреждает своих подопечных о готовящемся визите. Бойе также говорит, что мальчишки принарядились: придут «москвичами иль русскими переодевшись». Они собираются веселиться, любезничать и плясать с девушками, каждый намерен признаться в любви своей избраннице, а узнает ее по тем драгоценностям, которые ей прислал.

Остроумные шалуны планируют встретить школяров презрением и насмешками: они задумали надеть маски и обменяться драгоценными подарками. Таким образом Принцесса прикалывает к рукаву платья бриллиант, присланный Розалине, а Розалина — алмаз, присланный Принцессе. Меняются опознавательными знаками также Мария и Катарина. Встретив холодный нелюбезный прием, юноши вынуждены удалиться.

Но вскоре Бойе сообщает девушкам, что теперь уже в обычных костюмах мальчики придут, чтобы снова попытаться расположить к себе красавиц. Теперь уже, советует он, надо снять маски и каждой взять свой подарок. Но что делать дальше? Подруга Принцессы, резвая Розалина говорит:

Розалина:

...Давайте им в лицо смеяться так,
Как только что над масками смеялись.
Мы с жалобы начнем на дураков,
Которые здесь были в русском платье,
Одетые уродами; начнем
Расспрашивать, какие это люди
И для чего у нас в шатрах они
Исполнили пролог свой бестолковый,
Свой жалкий фарс, комедию свою
Бесплодную?

И действительно, на сцене появляется король Фердинанд с сотоварищами, который в присутствии «медоточивого Бойе» приглашает Принцессу и ее спутниц в свой дворец.

Девушки отказываются и продолжают насмешничать, рассказывая о недавнем визите к ним русских любезников и щеголей. Побледневшему от издевок и готовому упасть в обморок королю языкастая смуглянка Розалина лепит прямо в лоб: «Немудрено! Ведьплыли из Москвы».

Мальчики сначала не признаются в том, что это были они, затем раскаиваются, что пришли в неподобающих нарядах. Затем девушки уличают ухажеров в том, что те признавались в любви не предмету своей страсти. Оказывается, король признался в любви Розалине, а Бирон — Принцессе. И все это из-за происков Бойе, который вовлек всех в глупый рождественский фарс!

Но тут является Башка и предлагает всем посмотреть интермедию «Девять героев» — теперь уже молодежь, оставив обиды, дружно потешается над новым представлением. В разгар веселья является французский вельможа Меркад, который сообщает, что отец Принцессы умер. Принцесса объявляет об отъезде.

Принцесса просит у короля извинения за свои насмешки, благодарит за подарки и признание в любви, которое сочла шуткой. Король говорит, что он надеялся на ответное чувство.

Но поскольку теперь не время для романтических игр, говорит Принцесса, то она отбывает домой и будет носить траур по отцу целый год. Если король ее любит, он проведет этот год в глухом отдаленном приюте. Если не забудет о своей любви — через год может просить ее руки. Она клянется дать согласие.

Подобные требования выдвигают своим кавалерам и другие девушки. Фердинанд и его сотоварищи соглашаются.

В завершение комедии дон Армадо вместе с хором других героев исполняет диалог — песню Весны и песню Зимы.

На этом комедия заканчивается, и ее краткий пересказ мы не стали загружать другими любопытными и содержательно яркими деталями только по одной причине: мы хотели помочь читателю удержать в памяти главную проблему. Что за проблема?

Проблема межгосударственного долга, о которой в финале ничего уже не говорится.

Помнит ли читатель, что Принцесса обещала «завтра» предъявить документы о возвращении ее отцом 100 тысяч крон отцу Фердинанда? Документы должны были прибыть, как уверял Бойе. За отцом Принцессы оставался еще долг в 100 тысяч.

Однако эта проблема в финале рассеялась, как «дым риторики прекрасный»... Казначейские расписки еще в пути, а должник приказал долго жить. Следовательно, долг теперь ложится на плечи наследницы — Принцессы? Но король Фердинанд планирует через год взять ее в жены и только что при свидетелях дал согласие просить ее руки. То есть она станет его женой, королевой — и, естественно, муж ей долг простит.

Сбывается сказанное лукавым Бойе:

За поцелуй любви он даст вам, без сомненья,
И Аквитанию, и все свои владенья.

Примерно об этом глаголил прежде и дон Армадо, мечтающий написать поэму о короле и нищей. Результат их союза — «порабощенное обогащено».

Как видим, запланированное бракосочетание позволяет навязать королю Фердинанду невыгодное решение: он против своего желания вместо остатка долга в 100 тысяч получит Аквитанию — в качестве приданого Принцессы. То есть получается, что выданный прежде кредит в 200 тысяч на ведение войны отец Принцессы не возвратит кредитору: половина погашена ценой обучения в колледже (предположительно), вторая — завышенной стоимостью приданого. Не мытьем, так катаньем на наших глазах провернута отличная финансовая сделка!

Теперь, когда мы в таком ракурсе, весьма приближенном к проблематике любой хроники, существо которой всегда связано с заключением брачных союзов, владением территориями и крупными финансовыми расчетами при ведении войн, рассмотрели комедию «Бесплодные усилия любви», попробуем разглядеть собственно исторический сюжет.

Поскольку нам не раз в тексте говорили о том, что действие происходит в формате рождественского фарса, то, следовательно, на календаре декабрь, канун рождественских каникул. Поэтому Принцесса с самого начала заявляет, что завтра, в субботу, она поедет домой. А сегодня, в пятницу, ей с подружками дозволено выполнить важную миссию, которую возложил на нее отец. Накануне рождественских каникул позволено повеселиться и мальчикам — иноземным учащимся колледжа. Мальчики приходят на встречу с гостями в русских костюмах. Юные британки потешаются над этими московскими нарядами. Девушки говорят, что их кавалеры приплыли из Москвы. Однако сами мальчики никаких масок не надевают и ни слова не говорят о том, что участвуют в маскараде. Читатель вправе сделать определенный вывод: на берега Туманного Альбиона герои прибыли для учебы из натуральной Москвы.

После этих умозаключений можно сформулировать основные черты искомого исторического эпизода, взятого Шекспиром за основу при написании комедии-хроники.

Он выглядит так.

Осенью 15?? года четыре русских юноши, отпрыски высокопоставленных и богатых семейств, вместе с несколькими сопровождающими прибыли из Москвы в Британию для получения высшего образования. Возможно, среди них находился один представитель царствующего дома (король). Прибыли они под чужими именами и скрывали свой статус. (В этом нет ничего удивительного — через 100 лет участники Великого посольства, отправившегося из Москвы, тоже передвигались по Европе по фальшивым паспортам, а царь Петр представлялся европейцам как плотник Петр Михайлов.)

В ходе этого визита британской стороной была осуществлена попытка заключить брачный союз между русским юношей (царевичем?) и британской красавицей. Мы

увидели своеобразные смотрины, увенчавшиеся признанием во взаимной симпатии, и клятвенное обещание через год соединить сердца.

Внимательный читатель, не верящий своим глазам, вправе задать прямой вопрос: как доказать, что такой экзотический парадокс о наваррцах из Москвы не был полностью выдуман?

Неужели какой-то неизвестный сюжет русской истории был взят Шекспиром и положен в основу одной из его ранних комедий? Чем этот сюжет был интересен для современников драматурга?

Свидетельствует ли интерес Шекспира к истории России и судьбе ее венценосного отпрыска о том, что Бард посещал Москву или был русским?

Мы обязательно ответим на эти вопросы, а сейчас напомним о том, что, согласно нашей гипотезе, рассматриваемая хроника, притворяющаяся комедией, может оказаться «ключом» к пониманию всех 36 драматических произведений, опубликованных в Первом Фолио. Поэтому здесь мы должны предварительно проверить хотя бы некоторые условия, которые сформулировали ранее, для подтверждения нашей версии.

Логические условия:

1. Эта пьеса не может быть первой и последней в Фолио.

Пьеса «Бесплодные усилия любви» размещена в разделе комедий, седьмая по счету.

2. Эта пьеса не должна быть лучшей.

Нет ни одного исследователя, оценившего ее высоко.

3. В этой пьесе должны содержаться внятные отсылки к другим 35 пьесам Фолио.

Таких отсылок множество, перечислим некоторые, использованные в тексте:

ИМЕНА — Розалина («Ромео и Джульетта»), Фердинанд («Буря»), Катарина («Укрощение строптивой»), Цезарь («Юлий Цезарь»), Гектор («Троил и Крессида»).

ТОПОНИМЫ — Нормандия («Генрих VI»), Алансон («Генрих V»), Венеция («Отелло»), Мантуя («Укрощение строптивой»), Фальконбридж («Король Джон»)...

ОБРАЗЫ — «ножом пронзенный глаз» («Король Лир»), «людского мяса фунт» («Венецианский купец»), «вы совсем меня лишили головы» («Макбет»), «игра в шары» («Цимбелин») — и это далеко не все...

4. В этой пьесе должны быть описаны (показаны) шекспировские технологии, использованные в других 35 пьесах.

В пьесе «Бесплодные усилия любви» ясно показано несколько поэтических технологий, требующих отдельного описания, назовем некоторые; использование условных или значащих имен и топонимов, подмены героев, жанровые подмены, включение мини-пьесы в пьесу, изображение в числе героев автора-рассказчика (Шекспира — в данном случае под маской поэта-драматурга дона Армадо)...

Данные шекспироведения:

1. Эта пьеса должна быть признана одной из ранних.

Да, признана.

2. Эта пьеса должна не бросаться в глаза, то есть быть малозаметной.

Да, она исследователей почти не интересует.

3. В этой пьесе должно находиться нечто странное, от объяснения которого шекспироведы уклоняются.

Да, почти никто не объясняет возникновение в пьесе русских, прибывших из Москвы, а также существо брачно-финансовой коллизии.

4. В этой пьесе должны находиться «отпечатки» драматического действия (пьесы) и «отпечатки» поэтического дебюта (сонеты).

Да, в пьесе есть мини-пьеса «Девять героев» и три псевдосонета.

Таким образом, мы можем уже более уверенно говорить о том, что большая часть условий, при соблюдении которых комедия может считаться «ключом» ко всему шекспировскому канону, нами обнаружена.

Мы также располагаем профессиональным объяснением того, почему Шекспира и британских зрителей могли привлечь экзотические для них включения в пьесу самих понятий русские и Москва. И. Шайтанов пишет: «В Англии — дипломатические связи с Москвией, привлекающей интерес, но и пугающей. Книга Джайлза Флетчера о Московии, увидевшая свет в 1591 году, была сразу же запрещена и изъята. Все это — событийный фон комедии: Наварра — место ее действия; русское посольство — карнавальная сцена».

Факт запрета в Британии книги дипломата Флетчера о Московии именно в 1591 году вроде бы косвенно подтверждает дату написания комедии «Бесплодные усилия любви» — якобы Шекспир истинно по-диссидентски писал о запретном «событийном фоне»...

Впрочем, далее обнаруживается некое «мутное» объяснение: под видом русских юные наваррцы являются из Москвы на территорию Франции (к Принцессе), которая сама является послом (посланницей) в Наварру... Недаром здесь всплывает волшебная фраза — «карнавальная сцена». Эта формула, с одной стороны, объясняет необъяснимое, а с другой — напоминает читателю о М. М. Бахтине — цитата из него и приводится. «Бахтин выстраивает ценностный порядок мира на трех уровнях. Первый — глубинный уровень — назван им топографическим, поскольку на нем задаются основные пространственные и смысловые координаты: «...верх, низ, зад, перед, лицо, изнанка, нутро, внешность...»⁶ Второй план связан с проблемой юридической законности и земной власти, всего того, над чем властвует не миф, а Время. «Далее идет третий план, конкретизирующий и актуализирующий образы уже в разрезе его исторической современности (этот план полон намеков и аллюзий); этот план непосредственно сливается и переходит в орнамент...»

Приведенная цитата как нельзя лучше объясняет ценностный порядок мира в «Бесплодных усилиях любви». На первом, глубинном уровне — топография. Недаром Бахтин уточняет: «...все существенное у Шекспира может быть до конца осмыслено только в первом (топографическом) плане <...> Шекспир — драматург первого (но не переднего) глубинного плана».

Соответственно, если действие происходит в вымышленной Наварре — является один существеннейший смысл, если в пьесе действуют наваррцы в Британии — другой, ну а если главный топографический указатель Москва и Россия — третий...

Заметим попутно, что только в третьем случае, как мы это показали, выявляется (по Бахтину) второй план — юридическая законность и земная власть, а третий бахтинский план — это и есть эвфустические забавы литературной актуальности шекспировской эпохи, полный намеков и аллюзий. Этот последний показан как передний план, о чем нам и поведали авторитетные исследователи, которые не сочли необходимым сказать или подумать о первом плане.

В завершение этой темы обратим внимание на важнейшее обстоятельство ее создания. Обычно в лучших своих и признанных великими пьесах Шекспир использовал уже проверенные временем литературные или исторические сюжеты, перерабатывая их иногда весьма значительно. В случае же с комедией «Бесплодные усилия любви» исследователи не могут назвать ни одного источника, вдохновившего поэта. То есть сюжет комедии — стопроцентно оригинален. «„Бесплодные усилия любви“: не имеет явных литературных источников, представляет собой сатиру на современные нравы. Некоторые персонажи носят имена реальных деятелей современности. „Источники Шекспира“ дают глухую ссылку на „влияние комедии дель арте“, что отражает в лучшем случае гипотезу какого-то необозначенного комментатора»⁷. Об этом пишет и Г. Брандес: «Эта первая попытка стрэтфордского юноши написать комедию представляет то исключение, что к ней не найдено никакого источника. Шекспир здесь в первый (и, может быть, последний) раз

захотел создать все сам от себя, без внешней опоры. Поэтому и в драматическом отношении пьеса вышла самой незначительной из всех им написанных; даже в Англии она никогда почти не ставилась, да вряд ли и годится сколько-нибудь для сцены».

Да, возможно, на театральных подмостках комедия «Бесплодные усилия любви» не ставилась. Но она была поставлена в другом месте — на сцене российской истории. И мы намерены найти источник ее сюжета в анналах нашего непредсказуемого прошлого.

Любовь и проблемы картографии

«Был ли Шекспир русским? Скорее всего, нет». Такой вопрос задает себе и российскому читателю британский посол в России Энтони Брентон в последних строках своей статьи «Шекспир — русский», опубликованной на страницах журнала «Вопросы литературы» в 2007 году. Дипломат, являющийся знатоком шекспировского вопроса и шекспировской проблематики, вопреки финальному утверждению в заголовок своей статьи вынес прямое утверждение: Шекспир — русский. Да, признается он, дипломатическая привычка велит дважды подумать, прежде чем ничего не сказать. Ничего — это и есть пространство между утверждением и вопросом. Заполнено ли это пространство? Да.

Э. Брентон пишет о драматургии Шекспира: «По его пьесам бродит множество итальянцев, французов, греков, римлян, шотландцев, валлийцев и даже датчан. Но русские встретились мне всего пять раз. Четверо из них были поддельными. Да и они появились, скорее всего, благодаря тому, что мой далекий предшественник, дипломат Джайлз Флетчер, вместе со своим деловым партнером возвратился около 1590 года в Лондон, исполнив обязанности британского посла в далекой холодной Московии, совсем недавно пережившей жестокое правление Ивана Грозного». Оба написали отчеты о том, что им пришлось повидать, и (это и сегодня случается с воспоминаниями посла) записки Флетчера попали под запрет как представляющие угрозу англо-русским отношениям».

Не будем томить читателя и сразу скажем: ироничный британский посол Э. Брентон был лишь отчасти прав, говоря о четырех русских, запечатленных Шекспиром в комедии «Бесплодные усилия любви» как о русских поддельных. Мы без особого труда обнаружили в анналах российской истории сюжет о четырех реальных московских недорослях, отправившихся на учебу в Британию⁸.

Русско-британские дипломатические и торговые отношения завязались еще в эпоху царя Ивана Грозного, взаимовыгодное сотрудничество продолжалось и в последующие десятилетия. Были созданы посольства в Москве и в Лондоне. Плотные контакты на всех уровнях привели даже к тому, что сам Грозный дважды предпринимал попытки породниться с британской короной. Множество британских специалистов приезжали на службу в Москву. «Многие выпускники Кембриджа, — пишет В. Шестаков, — приезжают в Москву, служат в качестве священников, врачей или дипломатов. Среди них феллоу Тринити-колледж Ричард Рейнольдс, врач Марк Ридли из Клер-Холла, Ральф Стендиш из Тринити, который служил врачом при Иване IV, и многие другие».

Еще более интенсивно стали плодиться проекты по культурному обмену в эпоху царя Бориса Годунова, который славился особым расположением к европейской культуре и даже планировал открыть в России университет. Но пока его московские подданные не были готовы следовать европейским стандартам, да и преподавательских кадров не существовало, царь Борис предпринимал усилия для того, чтобы подготовить в Европе собственных специалистов. «В 1603 году в Москву прибыло посольство ганзейских городов. Оно заключило удачный торговый договор. Царь Борис Годунов решил воспользоваться случаем. Он уговорил послов взять с собой пять молодых дворян для обучения их немецкому и латинскому языкам, чтобы по возвращении они могли служить в Посольском приказе. Послы не могли отказать русскому царю».

К сожалению, эта попытка просвещения московских недорослей не удалась. Через три года уже другому царю, Василию Шуйскому, из Любека сообщили, что юные москвиты учатся без огонька, а двое из них вообще сбежали со студенческой скамьи в неизвестном направлении.

Но еще раньше группа юных москвитов отправилась на обучение в Англию. До этого никто из русских не учился за границей.

«30 июля 1602 года английский корабль с будущими студентами на борту и обильным провиантом отчалил из Архангельска. В сентябре они счастливо прибывают к английским берегам, и Джон Меррик представляет их королеве Елизавете. Было решено определить их в разные университеты: Итон, Винчестер, Оксфорд, Кембридж».

Упомянутый В. Шестаковым Джон Меррик — агент англо-московской торговой компании, переводчик, дипломат королевы Елизаветы Английской, выполнявший в России функции посла. Подробно об этой международной просветительской акции было рассказано в книге А. В. Арсеньева «История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове», книга была издана в Санкт-Петербурге в 1887 году. В этой книге названы имена этой четверки «боярских детей». Вот они:

Микифор Олферьев, сын Григорьев
Софон Михайлов, сын Кожухов
Казарин Давыдов
Федор Костомаров.

Итак, до наших дней в Британии сохранились документальные свидетельства о конкретном историческом факте — образовательном эксперименте, организованном Борисом Годуновым в 1602 году. До сентября 1602 года ни одного десанта боярских отроков из Москвы английская история не зафиксировала.

Теперь, вспоминая основную коллизию комедии «Бесплодные усилия любви», которую мы, похоже, небезосновательно называли хроникой, зададим себе и читателю вопрос: был ли Уильям Шекспир экстрасенсом? Мог ли он в 1591 или 1593 году положить в основу своей пьесы конкретный факт 1602 года? Мы в этом сомневаемся.

Он не мог придумать до 1602 года такого сюжета о четырех русских подростках, приехавших из Москвы, планирующих три года учиться. Он не мог так юмористически описать и мальчиков, и взрослых, их сопровождающих, именно в период между сентябрем и декабрем с трудом пытающихся овладеть знанием английского в объеме начальной школы... Ему вообще до 1602 года не могла бы прийти в голову мысль, что за британскими барышнями будут ухаживать косноязычные московские увальни...

Нет, такой сюжет в сознании Шекспира мог возникнуть только после 1602 года. А написан он мог быть только после 1603 года, то есть уже после того, как пройдет условленный год и станет ясно, объявят ли юные герои о предстоящем браке?

Следовательно, утверждаем мы, опубликована комедия «Бесплодные усилия любви» могла быть не ранее 1604 года! Когда стала известна именно «бесплодность» предпринятых соблазнительницами действий. А возможно, и гораздо позже...

Из этого можно сделать безрадостный вывод о том, что и издание комедии с датой 1597, и книга Ф. Мереза с упоминанием этой пьесы, изданная в 1598 году, не заслуживают доверия. Они издавались задним числом с ложной датировкой. Не будем здесь углубляться в поиск мотивировок для такого рода системных действий — их может быть множество, в том числе и дипломатических. Не забудем, что в эти годы сама почва под Московской Русью колебалась, что накладывало особый отпечаток на российско-британские отношения, особенно в свете трагической судьбы уходящего с политической арены Бориса Годунова...

Но вернемся к пьесе «Бесплодные усилия любви».

Она изображает московских абитуриентов как безусых вельмож наваррского короля Фердинанда — Бирона, Лонгвиля, Дюмена. То есть, по существу, фиксирует тот факт, что москвиты прибыли в Лондон под фальшивыми именами. Конечно, это были не фальшивые французские имена, а именно русские. Такие русские имена в традиционных для начала XVII века формах мы и видим в сохранившихся документах.

Кто из «боярских детей» изображен в образе короля Фердинанда? Кто — в образе остроумца Бирона и его сотоварищей? Здесь мы ступаем на зыбкую почву предположений.

Сами фамилии, зафиксированные в британских документах, вряд ли нам помогут идентифицировать героев. Больше шансов определить статус мальчиков по статусу учебных заведений, в которые они попали. Но и здесь информации пока недостаточно. Мы только можем предполагать, что самый значительный по статусу мальчик (король Фердинанд) был определен в самое статусное заведение — таковым элитарным учреждением был и остается Итон. Именно там получают высшее образование отпрыски королевской семьи и самых родовитых фамилий, предназначенные для управления государством. Пока в качестве гипотезы назовем имя Федора Костомарова. Почему? Прежде всего из-за его имени. Потому что теоретически самым статусным подростком в России 1602 года мог быть царевич Федор Годунов. Ему, как и его одноклассникам, было тогда тринадцать-четырнадцать лет, Сверстники даже обязаны были относиться к нему как к государю, пусть и называемому наваррским королем... Предполагая, что в образе Фердинанда Шекспир нам показал царевича Федора Борисовича, мы пока исходим из того, что и через сто лет после него при выезде за границу менялась только фамилия, а имя сохранялось: так царь Петр Алексеевич Романов путешествовал по Европе под именем Петра Михайлова.

Возможно, и названный в списке московских школяров Федор Костомаров также имел только фамилию ненастоящую.

Из четырех московских «боярских детей» больше всего сведений сохранилось о Микифоре Олферьеве, сыне Григорьеве. Приехав в Британию в 1602 году, он, видимо, год осваивал английский язык (возможно, в Винчестере), как бы мы сейчас сказали — на подготовительных курсах. Следующие шесть лет, потребные для обучения в бакалавриате и магистратуре, он учился в заведении, адрес которого историки не могут назвать. Только в 1609 году он оказался в Кембридже, где провел еще шесть лет. «Это был первый дипломированный русский, который успешно окончил полную программу в Кембридже». Алферьев в Москву не вернулся, он вскоре совсем англоизировался, стал англиканским священником, подписывался именем Микипер Алфери и под этим именем впоследствии был запечатлен в Словаре национальных биографий. Русский невозвращенец женился на дочери пастора, стал отцом восьми детей и умер в 1668 году

Третий московский недоросль из боярских детей — Софон Кожухов, ставший британцем Софони, — тоже не возвратился на родину. Завершив обучение, он в 1609 году предпочел не погружаться в русскую смуту, а пойти на службу в Ост-Индскую компанию. В 1609 году он заключил семилетний контракт для работы на фактории на Яве. Такой же контракт заключил и Казарин Давыдов. Через год оба сменили торговлю шелками, сандалом и опиумом на торговлю алмазами на Борнео. Казарин Давыдов вскоре превратился в Дэвида Кассариана и добросовестно отсылал в компанию отчеты, разукрашенные религиозными рассуждениями и библейскими сюжетами. Не обогатились ли оба добровольных торговца гуманитарными знаниями в Оксфорде? Это приходится только предполагать.

Но на этом история московских друзей не разлей вода, русских Гильденстерна и Розенкранца, не завершилась. Совершенно неожиданно эти странные русские джентльмены оказались на датском торговом фронте. «Оба погибли в войне за британскую корону. Кожухов был убит на корабле, когда ядро датской пушки попало прямо в него, разорвав на мелкие куски. Это случилось в феврале 1617 года. А Казарин на

следующий год попал в плен к датчанам, но из плена не вернулся». По-видимому, погиб, так как никаких писем от него и сведений о нем более в Ост-Индскую компанию не поступало.

Вступали ли в брак эти интереснейшие герои русской истории, которые могли бы стать персонажами увлекательных романов? Данные об этом отсутствуют, поэтому мы не можем проследить судьбу московских студентов, выведенных под именами Бирона, Лонгвиля, Дюмена в комедии «Бесплодные усилия любви».

Зато мы можем проверить, чем завершились матримониальные планы короля наваррского Фердинанда, за маской которого мы пытаемся увидеть фигуру юного московского государя — Федора Борисовича Годунова. Есть ли в его биографии такой факт — намерение жениться на высокопоставленной британке?

Из сообщения Н. М. Карамзина⁹ известно, что в 1603 году английская королева Елизавета I предлагала Федору руку одиннадцатилетней знатной англичанки, но дело расстроилось из-за скорой смерти Елизаветы.

Вполне возможно, что этой знатной англичанкой, как следует из сюжета шекспировской комедии, была дочь посла Британии в Московии — Джона Меррика. Человека, стремящегося породниться с царской фамилией, а заодно и решить некоторые свои финансовые вопросы. Собственно, этот сюжет нам и показан в комедии. Но поскольку венценосная сваха Елизавета умерла, то и усилия эти оказались бесплодны...

Как же сложилась в Британии судьба Фердинанда — предполагаемого царевича Федора Годунова, приехавшего учиться под именем Федора Костомарова в 1602 году?

Вот такая информация доступна для размышления. «Он тоже не окончил учебу, а отправился в Ирландию в качестве „королевского секретаря“. О его жизни в Ирландии не осталось никаких сведений, за исключением того, что он женился здесь в 1618 году. После этого о нем не было никаких известий».

Странная сдержанность британской истории. Во-первых, не очень ясно, как недоучившийся студент-иностранец оказался на госслужбе, да еще в качестве «королевского секретаря», то есть фактически консула Британии. Во-вторых, еще более странно, что сведений об этом высокопоставленном дипломате не сохранилось. Засекречены? Может быть, на самом деле британцы скрывали местонахождение Федора Костомарова? Задерживали его? Не давали вернуться на родину? Использовали как заложника?

Правомерность таких предположений читатель сможет оценить, когда узнает о том, как отнеслась новая, романовская Россия, к пропаже четырех студентов, избегающих возвращения к родным и близким.

Мы рассказали в начале этой главы о том, что Борис Годунов в 1603 году отправил пятерых недорослей в Любек. Через три года двое сбежали, а трое так и не получили дипломов бакалавров. Ни царь Василий Шуйский, ни оказавшийся на троне в 1613 году Михаил Романов не пошевелили и пальцем для того, чтобы разыскать беглецов и вернуть их в лоно семьи и родины.

Совсем по-другому московская власть вела себя в отношении русского образовательного десанта, отправленного в Британию в 1602 году. Как только новая династия утвердилась на троне, так сразу же в 1613 году с этой радостной вестью на берега Туманного Альбиона прибыл первый русский посол Алексей Иванович Зюзин. Едва вручив верительные грамоты, русский дипломат обратился в Тайный совет с запросом: где русские студенты, которым пора возвращаться на родину? Ответ на запрос был неутешительным: послу сообщили, что один из четырех находится в Ирландии, двое — в Восточной Индии. В пределах досягаемости — только Микифор Олферьев, учившийся уже в Кембридже под именем Микипер Алфери. Посол Зюзин в начале 1614 года пригласил на аудиенцию заблудшего соотечественника — Микипер наотрез отказался возвращаться в Россию.

Еще через год, в 1615 году, дипломат Иван Грязев прибыл в Англию и вновь запросил Тайный совет о выдаче четырех россиян, будучи уверен, что соотечественники злостно задерживаются англичанами. И вновь за всех четверых пришлось отдуваться Микифору-Микиперу, и вновь аудиенция была завершена скандалом и категорическим отказом заучившегося москвича плыть в Россию.

Еще через несколько лет новый посол Исаак Пригожин появился в Лондоне уже с письмом самого русского царя! В нем прямо утверждалось, что четверо русских подданных насильно удерживаются в Англии. К этому времени англичане подготовили еще более жесткий ответ: двое погибли в Восточной Индии, третий исчез в Ирландии, а четвертый стал англиканским священником и не желает возвращаться домой. Тогда Пригожин обратился прямо к королю Якову I с просьбой насильно выслать в Россию хотя бы Алфери... Но король решительно отказал послу.

Теперь, когда мы разглядели всю совокупность достоверных, обеспеченных документами фактов, относящихся к пребыванию на английской земле четырех московских студентов, следует ответить на важный вопрос. Почему о пятерых москвичах, пропавших в Любеке, российская власть не беспокоилась, а о россиянах, учившихся в Британии, новая власть Романовых очень хорошо помнила даже в период сложнейшей политической борьбы за кремлевский престол и с помощью первого же своего посла потребовала их незамедлительной выдачи? По какой причине была проявлена такая удивительная настойчивость? Почему каждый новый дипломат, прибывший из Москвы, требовал возвращения «боярских детей»? Почему в борьбу за молодых русских эмигрантов включился даже сам царь Михаил Романов и лично обратился к королю Якову? Чем были ценны для Московского царства эти юноши?

Если допустить, что в числе четырех москвитов, покинувших Россию в 1602 году, находились представители властной элиты эпохи Бориса Годунова, такая настойчивость становится более объяснимой. Еще более понятной она выглядит при том условии, что один из четырех — царевич Федор Годунов. «Поддельный русский», как утверждает посол Великобритании в РФ Э. Брентон, то есть находившийся под фальшивой русской фамилией.

Упорное желание вернуть русских студентов, и в первую очередь Федора Годунова, для новой династии становилось просто насущной задачей! Ведь существование законного наследника трона — а Федор Годунов с малолетства выполнял функции государя и даже имел свою царскую печать! — грозило Московии новой гражданской войной.

Только-только Романовы избавились от череды Лжедмитриев, объявляющих себя сыновьями Ивана Грозного, как на горизонте вырисовывалась новая перспектива: столкнуться с явлением новой череды Лжефедоров, называющих себя сыновьями Бориса Годунова. Но новая опасность была хуже предыдущей: Федор Борисович был не самозванцем, а имел полное право претендовать на власть в Московии после гибели своего отца в 1605 году.

Романовы и их сторонники, сражающиеся на суверенитет Московии с польско-литовскими интервентами и множась самозванцами, после смерти царя Бориса Годунова могли не слишком беспокоиться о судьбе его сына-подростка, находящегося вдали от российской территории. Но к 1613 году Федор Годунов уже достиг совершеннолетия и мог представлять реальную угрозу для неустойчивого трона Романовых.

Видимо, поэтому московские послы один за другим требовали выдачи московских студентов. Причем диалог на эту тему шел и на самом высоком уровне — российский монарх выдвигал требования монарху английскому.

Могло ли такое быть в случае, если речь шла об обычных россиянах? Поверить этому мешают другие факты. Ведь сам царь Михаил Романов в эти же годы направил еще

одного юного соотечественника на учебу в Британию. Посланный опять же не возвратился на родину, что не повлекло за собой ни бурной дипломатической деятельности, ни заявлений русского монарха о том, что его подданного насильно удерживают...

Зачем юный Михаил Романов активно занимался возвращением четырех российских студентов?

История русской Смуты в 1613 году еще не была написана. Сам царь Михаил, конечно, в силу своего возраста не был осведомлен о событиях, происходивших в Кремле за десять лет до своего воцарения: тогда он пешком под стол ходил. Но его отец, патриарх Филарет, не мог забыть по личным причинам и о семье Бориса Годунова, и о его смерти. Хоть Василий Голицын и Василий Мосальский-Рубец и объявили в 1605 году перед явлением Лжедмитрия I, что Федор Годунов и его мать отравились, но расследования по этому делу не проводилось, и у нас есть основания думать, что это сообщение было ложным... Ведь иначе бы через год, когда Василий Шуйский стал царем, его бы постигла участь Годунова — соотечественники обвинили бы его в убийстве законного наследника и приписывали ему «мальчишков кровавых» в глазах... Но ничего подобного с Шуйским не произошло.

Скорее всего, Василий Шуйский не был палачом, не участвовал в «мокром деле» и не замарал своей совести и своих рук царевубийством. Видимо, в 1613 году многомудрый патриарх-государь Филарет все-таки расследовал этот сюжет и добился у Шуйского и Голицына признания, что царевич жив-здоров. Только так можно объяснить беспрецедентный напор русской дипломатии, пытающейся добиться возвращения ускользнувшего противника.

Новой власти в Кремле нужна была стабильность. Возможно, власть бы ограничилась только отречением Федора от права на московский трон. Но британской дипломатии было выгодно другое: держать такой дипломатический козырь в рукаве. Поэтому сам Федор (Костомаров) не завершил учебы и внезапно оказался в таком удаленном месте, где невозможно было его достать. Оказался он и в таком статусе, который делал информацию о нем полностью закрытой. Такую ситуацию Британия могла использовать в долгосрочном режиме, оказывая давление на русскую политику, выговаривая экономические льготы и как угодно долго шантажируя Романовых тем, что их власть незаконна.

В такой ситуации Романовым надо было заполучить хоть кого-то из четверки годуновских невозвращенцев как возможных свидетелей того, что Федор удерживается англичанами. Или добиться под присягой публичного ложного признания, что он где-то в Ирландии «умер»... Британская дипломатия не стала дожидаться того, что русские сыскари отправятся на поиски Софона Кожухова и Казарина Давыдова и заставят их дать нужные показания. Британская сторона объявила их «погибшими». Да так, что одного якобы разорвало на кусочки, а второй пропал без вести в плену у датчан... То есть эта информация предполагала априори бессмысленными дальнейшие обращения русской дипломатии в Тайный совет королевства.

Но еще раньше, в 1613 году, произошло еще одно событие, которое должно было нанести убийный дипломатический удар по России — Британия действовала чужими руками: в Амстердаме вышло в свет издание русских карт, автором которого был объявлен Федор Годунов! То есть фактически вся читающая европейская элита была оповещена о том, что законный наследник Московии жив и в его распоряжении есть подробные карты его собственных владений.

Вот как об этом ныне говорится в Википедии:

«Царевич Федор вошел в историю русской картографии: им или под его руководством была составлена одна из первых собственно русских карт России (карты, подготовленные иностранными специалистами, появились еще в XVI веке). Она была издана в Амстердаме по рукописям в 1613 видным картографом того времени Гесселем Герритсом. Издание 1613 года — библиографическая редкость; в 1614 было выпущено второе издание, с

поправками и дополнениями. Лист, отпечатанный Герритсом, включает также врезку с планом Москвы; относительно того, приписывать ли царевичу также и план столицы, мнения историков картографии расходятся».

Но тогда, в 1613 и 1614 годах дело выглядело совсем не так, как потом утвердилось в российских энциклопедиях. Вся Европа и значительная часть русской элиты, видимо, предполагала, что Федор Годунов жив и вот-вот начнет действовать с целью вернуть принадлежащий ему по праву трон. Ситуация усугублялась еще и тем, что самих властителей Романовых, Михаила и Филарета, в Москве не было до 1619 года!

Откуда ж взялась в распоряжении амстердамских печатников коллекция карт Федора Годунова? Российские исследователи ныне считают, что это были ученические карты, изготовленные Федором еще в России, переработанные варианты работ западных картографов. Что после разгрома Годуновых они каким-то чудодейственным образом попали в Европу и спустя восемь лет были опубликованы. Объяснение малоубедительное, да и само издание не было представлено в качестве исторического раритета, собственности погибшего царя. Собрание карт не сопровождалось сообщением о том, что издание посмертное. Оно выглядело как требование того, чтобы имя Федора осталось в истории России. Оно и осталось — в качестве первого русского картографа и царствовавшего «калифа на час».

К 1619 году между Британией и Московией были, видимо, достигнуты некие политические и экономические договоренности, касающиеся именно Федора Костомарова (Федора Годунова) — Москве сообщили, что он в 1618 году женился и следы его затерялись. Романовы в свою очередь смогли, не боясь очередной интервенции, наконец торжественно въехать в Кремль. В истории Смуты, созданной этой династией, запечатлен дипломатический компромисс: Россия признала, что царский статус Федора Годунова будет зафиксирован (на два месяца правления), Британия согласилась, что он будет объявлен «умершим» (погребенным в Троице-Сергиевом монастыре). По существу, ни ту, ни другую сторону фиксация «смерти» юноши не смущала — при необходимости и его можно было использовать как «воскресшего царевича».

В эти годы России также пришлось поступиться некоторыми землями в соответствии со Столбовским договором и заплатить Швеции 20 000 серебряных рублей — переговоры велись при посредничестве британского посла в Москве Джона Меррика.

Возможно, именно в этот период и была написана поэтическая хроника «Бесплодные усилия любви», притворяющаяся комедией, — тогда же она была издана с ложной датой 1597, в сопровождении ложно датированной книжицы Ф. Мереза, одного из кембриджских остроумцев, — в их числе, как мы знаем, был наш соотечественник Микифор Олферьев, учившийся в Кембридже. Именно он, возможно, и изложил Шекспиру конкретные данные о первых днях пребывания своей группы в Британии и о попытке сватовства Федора Годунова к дочери посла Джона Меррика. Так в «Бесплодных усилиях любви» и появились москвичи...

Так бы и осталась хроника-комедия «Бесплодные усилия любви», украшенная именем Уильяма Шекспира, одним из многих рядовых изданий, достойных забвения, но еще через несколько лет она появилась в составе Первого Фолио, прогремевшего своей непревзойденностью на весь мир. Означает ли это, что и другие комедии и трагедии бессмертного фолианта связаны с историей России?

Обобщим данные, которые мы использовали для наших гипотетических построений.

В основе фабулы пьесы «Бесплодные усилия любви» лежит конкретный исторический факт о пребывании группы москвичей в высших учебных заведениях Британии. Визит одного из них хронологически совпадает с официальной датой попытки бракосочетания царевича Федора Годунова с британской подданной. Отец этой девушки, как следует из текста пьесы, патронировал пребывание юных москвичей в Англии и имел с главным из них общие финансово-политические интересы.

По совокупности документальных и шекспировских данных можно попытаться идентифицировать героев хроники «Бесплодные усилия любви»:

Король наваррский Фердинанд — царевич Федор Годунов
Вельможа Бирон — боярский сын Микифор Алферьев, сын Григорьев
Вельможа Лонгвиль — боярский сын Софон Кожухов
Вельможа Дюмен — боярский сын Казарин Давыдов
Принцесса французская — дочь дипломата Ф. Меррика
Отец Принцессы, французский король — дипломат Джон Меррик

Гораздо труднее определить имена прототипов других русских героев — например, имя слуги Башки. Возможно, и этот русский дядька-камердинер, подлинное имя которого университетские анналы не сохранили, завершил свой земной путь на английской земле. По характеру это подлинно русский тип, напоминающий одновременно и Савельича из «Капитанской дочки», и Захара из «Обломова», и Фирса из «Вишневого сада»... Неторопливый, услужливый, ворчливо-добродушный, не мудрствующий лукаво... Молодые москвичи величали его шутком, хотя и друг другу тоже отвечивали этот комплимент... И если мы в нынешних изданиях видим список действующих лиц, в котором Башка обозначен как Шут — это всего лишь свидетельство того, что британские филологи XVIII столетия, составлявшие эти списки, не понимали статуса героя... Сам-то Шекспир такими списками Фолио не оснащал, издатели тоже...

Еще один русский слуга-охранник — Антон Тупица, высокородные шутники-наваррцы называли его констеблем. Он, конечно, не знал ни английского языка, ни латыни, ни греческого. Шутить с ним было бесполезно — юмора не понимал. И вряд ли остался в памяти своих боярских подопечных как значительное лицо, достойное летописания.

Но подлинное имя еще одного замечательного персонажа фрагмента русской истории, превращенного в хроникальную комедию, думается, впоследствии при проявлении должной настойчивости можно будет обнаружить и в русских, и в британских документах. Мы имеем в виду человека, выступавшего под экзотическим псевдонимом дон Адриано де Армадо. Под этим фальшивым именем, запечатленном в британском паспорте, видимо, сошел с русского корабля на английский берег придворный учитель красноречия и поэт, хорошо известный своим причудливым талантом в кремлевских сферах.

Он обожал риторику! Он сопровождал юных подопечных как педагог и сам намеревался за три года пополнить свой багаж знаний. Был ли он испанцем? Только в той мере, в какой его ученики были наваррцами. Мы думаем, что он имел отношение к первым попыткам создания русского придворного театра в эпоху Годунова — ведь в пьесе «Бесплодные усилия любви» он нам показан не только как поэт, который планирует написать поэму о короле и нищей и в финале исполняет сочиненные им песни Весны и Зимы, но и как автор «пьесы в пьесе» — инсценированной интермедии «Девять героев». По концентрации варварского нагромождения дурновкусных поэтизмов, связанных с недостаточным знанием английского, он мог бы посоперничать с самим Шекспиром!

Именно он, человек, скрывшийся за псевдонимом дон Адриано де Армадо, мог стать для Шекспира подлинным кладезем достоверной информации о персонажах русской истории, обитавших в Кремле в эпоху Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Мог ли он сам — уже под другим псевдонимом после падения дома Годуновых — стать соавтором Шекспира при написании других трагедий и комедий? Вероятность такая есть, но она никем пока не исследована... А ведь именно в этом случае утверждение британского посла Э. Брентона о том, что Шекспир — русский, но был им лишь отчасти, становится полностью объяснимым.

Любой автор, внося неожиданную информацию в публичное пространство, предвидит возможные обвинения в провокации. Это не выпустил из виду и дипломат Э. Brenton, предлагая в уважаемый филологический журнал «Вопросы литературы» статью под названием «Шекспир — русский». Он первым делом отмечает возможность такой интерпретации его необычного шага и сразу заявляет: «По роду своей деятельности я не склонен к провокации». В то же время он сразу отвергает возможное обвинение читателя в собственной некомпетентности в области шекспироведения. И это справедливо.

Во-первых, его статья демонстрирует обширное и глубокое знакомство автора с историей «шекспировского вопроса» как историей сомнений в авторстве Уильяма Шекспира из Стратфорда. Во-вторых, дипломат великолепно знаком с историей русской литературы и с необъяснимо родственным отношением россиян к Великому Барду. Соответственно, нам наглядно показывается, что оснований сомневаться в компетенции Э. Brenton нет.

Что же побудило дипломата обратить внимание российской аудитории на то, что почти на генетическом уровне и без всяких научных доказательств и так ощущал и ощущает любой отечественный читатель — русскую природу шекспировских характеров? Каковы были мотивации уважаемого посла, эпатирующего гуманитарное сообщество сообщением о том, что Шекспир — русский?

Заявляя о том, что считает дипломатию своего рода театром, Brenton, несомненно, говорит с нами на языке Шекспира, то есть с помощью поэтических иносказаний и двусмысленностей. Мы и должны их «прочитать» как осмысленные и важные образы его действия. Эти образы, разумеется, не являются только его личным, частным способом изложения дипломатической позиции Британии. Это — заключительная реплика в долгом диалоге двух государств. Реплика звучит так:

«В качестве британского посла — это, разумеется, моя обязанность — защищать британскую собственность. И Шекспир — ее неотъемлемая часть. Но он в то же время больше этого. Он достаточно велик, чтобы его цензорами были Николай I и Сталин».

Если перевести с дипломатического языка на обыденный, содержание этой вызывающе странной реплики может свидетельствовать, предположительно, о принципиальном изменении ситуации в русско-британском подкованном противоборстве.

Да, еще при императоре Николае I, во времена Пушкина, написавшего трагедию «Борис Годунов», где было ясно показано преступное свержение юного царя-картографа Федора Годунова, высочайшее цензorstvo было оправданно, поскольку сохранялась опасность возвращения потомков Годунова. Такое же высочайшее цензorstvo в эпоху Сталина, когда сохранялась возможность разгрома коммунизма и реставрации подлинной монархии взамен уничтоженной династии Романовых, было тоже оправданно.

Теперь же, видимо, надежды на реставрацию монархии в России уже нет и не будет. Может быть, потому что просто и годуновская линия наследования, четыреста лет сохранявшаяся на территории Туманного Альбиона, пресеклась...

Может быть, это объяснение способно хотя бы отчасти связно ответить на риторический вопрос, заданный дипломатом Э. Brenton: «Но что связывает Шекспира с Россией?»

Вот такой содержательной и драматически напряженной может выглядеть основная псевдокомедийная коллизия в хронике Шекспира «Бесплодные усилия любви», ее «невидимый транспарант». Читатель вправе решить, насколько убедительна изложенная гипотеза. Мы же, обнаружив внятный «русский след» в одном из шекспировских произведений, должны попытаться подтвердить и наше заявление о том, что оно — ключ к другим псе-

сам, опубликованным в Первом Фолио. Но это — отдельная тема, и впоследствии мы к ней вернемся...

- 1 С. Шенбаум. Шекспир. Краткая документальная биография. Перевод А. А. Аникста и А. Л. Величанского. Издательство «Прогресс», 1985.
- 2 Берджесс Э. Уильям Шекспир. Гений и его эпоха. Пер. С англ. Г. В. Бажановой. М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2001.
- 3 Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он. М.: ЭКСМО. Алгоритм, 2012.
- 4 Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. Пер. С англ. М. Дадяна. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.
- 5 Шайтанов И. О. Шекспир. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.
- 6 Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М., 1966.
- 7 М. В. Елиферова. Сколько языков знал Шекспир? Один миф и три аспекта реальности. Шекспировские штудии XIV: Шекспир: разноязычный контекст: Сб. науч. трудов. Исследования и материалы научного семинара 27 августа 2009 года / Отв. ред. Н. В. Захаров, Вл. А. Луков; Моск. гуманитар. ун-т; Ин-т фундамент. и прикл. исследований; МАН (IAS). М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009.
- 8 Шестаков В. Русские в британских университетах: Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб.: Нестор-История, 2009.
- 9 Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. XI. Глава 1. Царствование Бориса Феодоровича Годунова.